

ИТАЛЬЯНЕЦ

АЛЕНСЕЙ ТАПУТЬ

Родился в 1980 году в Калининграде, окончил философский факультет Калининградского государственного университета. Работает копирайтером.

Автор критических статей о современном искусстве, рецензий и текстов к выставкам и фотоннигам. Участник художественных проектов. Публиковался в литературно-художественном альманахе

«Артикуляция», участвовал в 14-м Фестивале новых поэтов в Санкт-Петербурге. Учится на магистерской программе «Литературное мастерство» в НИУ ВШЭ.

Ребенок ищет не то, что спрятано, а то, что он хочет найти. Я хочу найти одиннадцатилетнего мальчика в квартире во вьетнамском городке Вунгтау. Мой папа в начале 90-х работал там по контракту на нефтевышке. Мама потихоньку сходилась с ума от скуки. Я открываю дребезжащую фанерную дверь. Вся квартира наполнена узнаваемым запахом: жирный и пряный дух из забегаловки через дорогу, смешанный с ароматом фруктового мыла из вечно приоткрытого стенового шкафа. Я разуваюсь и иду по плиточному полу главной комнаты: его небольшие, слегка выступающие друг над другом части – словно шоколадки, застывшие в странном геометрическом шторме. Босые ноги помнят не хуже глаз. Стены оштукатурены до матовой белесости – к ним приятно прислоняться взмокшими затылком и спиной, чтобы немного остыть после тропической жары. Ослепительный квадрат под почти невидимым из-за солнца тюлем – окно. Кондиционер под ним не работает – снаружи доносится мерный гул, который как-то связан с отключением электричества во всем микрорайоне. Под коротким подоконником – два крепких кресла из темного дерева, несъедобного для насекомых, и такой же столик между ними. На столике – вазочка с букетом пластиковых цветов. Напротив кресел – огромный телевизор с тугими ручками переключения каналов. Советская громадина, с трудом дошагавшая до тогдашней со-

временности на длинных тоненьких ножках. Нечто среднее между лакированной избушкой и пузатым гробом. Угол выпуклого кинескопа цвета грозовой тучи приятно нюхать – пыльное электричество ласково щекощет ноздри. Слева от окна, в углу, – моя кровать с голубоватым прямоугольником балдахина, а напротив – такая же кровать родителей. Когда ткань балдахина приподнимают, слышен легкий синтетический треск. Больше в этой комнате нет ничего. Я хотел найти ребенка, но ему негде спрятаться. Я входил в эту квартиру тысячу раз – вбегал со смехом или медленно выходил, смагивая остатки слез. Я могу переместиться туда в любой момент. И до сих пор делаю это почти каждый день. И вот я здесь и снова пытаюсь понять: зачем я ищу этого одиннадцатилетнего мальчика? Что я хочу у него узнать?

* * *

Мама опять приготовила долму. Она сделала ее вместе с тетей Стеллой – соседкой со второго этажа, которая постоянно что-то пекла, жарила и варила на своей маленькой, пропахшей специями кухне. Мне нравилась тетя Стелла – добрая, с нежным низким голосом и огромными, как будто всегда влажными темными глазами. Мне не нравилось, что, когда мама возвращалась домой с оче-

редным блюдом или рецептом, от нее всегда пахло вином. После она то медленно ходила по квартире и плакала, то, почти не двигаясь, сидела перед телевизором, не обращая на меня внимания, то начинала обнимать, целовать и хвалить. Это происходило, когда отец уезжал на двухнедельную смену, и я ждал дня его отъезда с растущей тоской. Такой, о которой, наверное, можно говорить только с младенцами, но у нас в микрорайоне, по-моему, даже не было роддома. Дети здесь появлялись сразу – взрослые и вместе с родителями – сначала по трапу из самолета, потом, через тряску и мрачный, гудящий зной азиатской дороги – из автобуса, который после часовых вихляний наконец подвозил их к аккуратному въезду в наш огороженный микрорайон из сорока пятиэтажек, где жили советские специалисты.

Долму я не любил и даже немного побаивался – мокрые свертки, похожие на подкидышей у подъезда детского дома, как у Диккенса, – в тряпье и присыпанные снегом. От кисловатого аромата вареного виноградного листа, смешанного с густым мясным духом, кружилась голова, но дымящаяся тарелка уже стояла передо мной. Я медленно поднял вилку, подцепил ею бугристый зеленый кулечек и, зажмурившись, понес его ко рту.

«Как дела в школе?» – Мама слишком резко отвернулась от плиты, неловко выронила половник, и он с грохотом упал на плиточный пол. Я поморщился. Негромко, словно виновато кашлянув, она повторила вопрос. «Все хорошо», – промямлил я, дав вилкой очередной зеленый сверток, пока он не превратился в рисово-мясную массу. Мама, прищурившись, посмотрела на меня и открыла холодильник. Я опустил глаза в тарелку. Все было совсем не хорошо. Вчера на математике мой сосед по парте по кличке Итальянец показал мне фотографию моей умершей собаки, Атоса. Оказалось, что он украл карточку у меня, когда был у нас в гостях. Я хранил фото в старой жестяной коробочке из-под леденцов. Когда я ее открывал, коробочка издавала приятный округло-металлический звук. Итальянец просто забрал ее, и все: если он решал что-то сделать, пытаться остановить его было бесполезно. На следующий день в школе он бегал с фотографией между партами и кричал, что я плачу и целую ее каждый вечер перед сном. Все смеялись, а я стоял и смотрел на это. Крупные солнечные пылинки, перемешанные с облаками мела, словно передвинули класс в цветовой спектр картин Возрождения, а беснующийся среди статичных фигур Итальянец с подпрыгивающими складками жира и безрассудной

улыбкой выглядел как настоящий сатир, скрывающийся от кары богов и одновременно наслаждающийся этой карой. Наконец я не выдержал и выхватил у него фото. Итальянец остановился, подошел ко мне вплотную и пренебрежительно процедил: «Странные люди эти горцы». Он часто не к месту произносил несвойственные его возрасту фразы. Может, слышал их от родителей, может, от старших братьев – вечно хмурых и коротко стриженных близнецов, с длинными, как у орангутангов, руками. «Шуток не понимаешь», – с характерной ухмылкой продолжил он.

В дверь громко постучали, и мама пошла открывать. Замок шелкнул, и я услышал знакомый голос – слишком громкий для такого маленького коридора, как у нас. «Сереж, к тебе», – странным, словно замедленным голосом сказала мама. Я вылез из-за стола и вышел в коридор. В отличие от меня Итальянец (а это был он) утомительно много говорил даже со взрослыми, часто смеялся и дурачился – мог специально прокричать петухом на пении или громко пукнуть на физкультуре. Вот и сейчас, увидев меня, он сдернул с головы панамку и присел перед нами в каком-то подобии реверанса. Мама, покачиваясь, рассмеялась. Я кивнул Итальянцу и пошел переодеваться. В комнате я услышал, что он начал кривляться – нес какую-то ерунду, пародируя диктора с телевидения, и, судя по повторному маминemu смеху, – очень удачно. Конечно, он не был настоящим итальянцем. По-моему, он не был даже грузином, хотя школа здесь была маленьким Советским Союзом – каждое утро она заполнялась многонациональной, крикливой и монолитно-дружной массой, в которой мне не всегда находилось место.

«Ну что, пошли? Готов?» – Итальянец приобнял меня, и я почувствовал его знакомый странный запах – смесь пота и чего-то еще, специй, что ли.

«Не знаю, я думал, ты...» Но он уже не слушал и тащил меня на улицу.

«Ты куда? А доесть?» – крикнула мама, но я уже закрывал дверь. Последнее, что я услышал, закрывая дверь, – звон тарелки, выскользнувшей из непослушных маминых рук.

* * *

Ему почему-то долго не могли придумать прозвище. Когда же оно наконец появилось, все в классе как-то сразу поняли, что это – оно. По-моему, это поняли даже учителя. Он сам потом еще удивлялся – чего это мы так долго ждали. Все же ведь было ясно с самого начала – Итальянец.

столом, заваленным дешевой мелочовкой. Краем глаза я увидел, как Итальянец отошел в самый темный угол магазинчика и что-то взял со стола. Вьетнамка, казалось, спала. Семен кашлянул. Это был сигнал. Я схватил первое, что мне попало – страшную пятиколесную машинку и брелок в форме зеленого сердца, – и протянул продавщице. Понимая, что уже делаю что-то неправильно – вначале нужно было показать деньги, потом выбирать, но никак не покупать – я, холодея, полез в шорты за деньгами Итальянца. Было слышно, как о стекло лампочки тонко бились насекомые. Наконец я вытащил смятую купюру и почти протянул ее вьетнамке, но вдруг бумажка выскользнула у меня из рук и спланировала под прилавок. Я быстро нагнулся, чтобы поднять ее, но не успел – в этот момент продавщица закричала, вставая со стула и показывая пальцем на Семена – он чуть ли не горстью хватал что-то с прилавка. Вьетнамка продолжала кричать. Итальянец зло глянул на меня, бросил все на пол и выскочил из лавки. Затем, как бы очнувшись, убежал я, вьетнамка продолжала кричать нам вслед что-то угрожающее – ее голос был похож на злобное мяуканье.

Потом, стоя на пустыре рядом с уже почти готовой новой пятиэтажкой, Итальянец высказал мне все. Он пинал ногами песок, стараясь попасть в меня, грозил своим плотным кулаком, вопил про потерянные деньги и обзывал, обзывал, обзывал... Но обиднее и страшнее всего была его последняя фраза. Семен повторил ее особенно громко, подойдя ко мне настолько близко, что я почувствовал гнилостный запах из его рта. Я так не хотел слышать то, что он выкрикивал, что закрыл уши руками. Сам себе – мысленно или полупшепотом, я неоднократно повторял это – удивляясь, злясь, замирая от жалости, но чтобы это делал кто-то другой? Никогда. Я зажмурился и сжал уши сильнее. Увидев это, он схватил меня за руки, с силой опустил их и, улынувшись своей неприятной улыбкой, уже негромко и почти безразлично произнес: «Твоя мать – пьяница». Я почувствовал, что не могу сделать вдох. Когда же у меня наконец это получилось, я начал говорить. Сначала спокойно, но потом все больше повышая голос так, что в конце это был визг, захлебывающийся в слезах. «Я тебя ненавижу! Ты хуже всех в мире! Урод! Я хочу, чтобы ты умер, понял?! Чтобы тебя не было вообще никогда!» После того как я наконец замолчал, тяжело дыша и вздрагивая, Итальянец подошел вплотную и сильно толкнул меня в грудь. «Пошел отсюда, сопляк», – медленно выдавил он. Я начал спиной отступать от него.

Семен схватил первый попавшийся камень и замахнулся – в его нечистой волосатой руке камень выглядел как что-то древнее, доисторическое. И сам он, с раскрасневшимся, потным лицом и всклокоченными кудрями, был похож на представителя какого-то племени – безжалостного и опасного. Постояв немного с поднятой рукой, он выбросил камень, плюнул мне под ноги и пошел к домам своей вихляющей походкой.

